

Опубликовано:

Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. – 2016. – Т. 16. – № 12. – С. 124-126.

© Лопатина Н.Л.

УДК 008:930.85

Лопатина Н.Л., кандидат культурологии, доцент,
Кемеровского государственного медицинского университета

ТОЛЕРАНТНОСТЬ СОВЕТСКИХ КРЕСТЬЯН ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX В. КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Аннотация: автор рассматривает толерантность как социокультурное явление, которое обуславливается экономическими, политическими, культурными традициями и самодостаточностью общества. На основе высказываний крестьян делается вывод, что советская власть нарушила культурологические основания толерантности. Мероприятия советской власти трансформировали социокультурные традиции деревни, поэтому вызвали неприятие новой власти крестьянами. Подчеркивается, что лояльность крестьян к власти связана не с толерантностью народа, а с репрессивной политикой и жестким подавлением любого рода недовольства и сопротивления.

Ключевые слова: толерантность, традиции, власть, крестьяне, страх.

Толерантность членов социума имеет социокультурное основание. Терпимость по отношению к особенностям различных народов, наций и религий возможна при социально-политической, культурной самодостаточности общества. Следует помнить, что толерантность не подразумевает отказ от своих интересов, убеждений, принятия чуждого

мировоззрения и образа жизни. Бердяев Н.А. писал: «Россия – земля покорная, женственная. Пассивная, рецептивная женственность в отношении к государственной власти – так характерна для русского народа и для русской истории» [1, с. 11]. «Есть мятежность, непокорность в русской душе. ...Славянский бунт – пламенная, огненная стихия, неведомая другим расам... Россия – страна неслыханного сервилизма и жуткой покорности» [1, с. 17-18].

Дуализм российской ментальности связан с социокультурными обстоятельствами. Видимо, не стоит преувеличивать лояльность и покорность нашего народа. Пока не затрагиваются интересы россиянина, он может сосуществовать с разными сообществами, религиями, чудачествами властей. При нарушении аксиологических оснований социума российский народ проявлял свою активность: восстания Болотникова, Разина, Пугачева и др.; противостояние старообрядцев, стрельцкие бунты, победы в войнах. Надо полагать, что покорность не способствует расширению границ страны. Исследуя крестьянские бунты в России, Р. Пайпс утверждал, что крестьянам любая власть чужда по своей природе [5, с. 201]. Здесь, видимо, следует иметь в виду, что крестьяне не признавали какой-либо власти в силу своей самодостаточности. Даже в период крепостничества община решала все насущные вопросы деревни. Каждый домохозяин имел своё веское слово вплоть до права veto. Община через старосту и управляющего выступала посредником между крестьянином и помещиком или государством. Помещик не вмешивался в сельскохозяйственные вопросы крестьян. Годами крестьянин (кроме барщинных) мог не общаться со своим барином. Имея защиту в виде общины, даже крепостной помещичий крестьянин (не говоря уж об удельном или казенном), чувствовал свою значимость и не испытывал раболепия ни перед барином, ни перед кем бы то ни было. Поэтому, когда Столыпин П.А. ликвидировал общину как экономический институт, община оставалась носителем культурных традиций предков.

Не вдаваясь глубоко в подробности взаимоотношения досоветских крестьян с властью можно отметить, что по описаниям этнографов XIX в.

складывается вполне благоприятная картина этих отношений. Отсутствует классовый антагонизм помещик – крестьянин. Например, Максимов С.В. описывал, что крестьяне часто развлекались на праздниках (куда приходили и помещики), ставя миниспектакли и сценки, где объектом доброй иронии и юмора мог быть барин, барыня [4, с. 22-26]. В свидетельствах Эндельгардта А.Н. проглядывается снисходительная нотка отношения крестьян к начальству. Он писал, что крестьяне не всегда выполняли распоряжения начальства, поскольку оно далеко. Поэтому их не очень волновали указы и законы [9, с. 430]. Он сообщал о толерантном отношении мужиков к начальству с интересной оговоркой: «Вот для начальства бабы в деревне язва. Мужики гораздо более терпеливо переносят, и деспотизм хозяина, и деспотизм деревенского мира, и деспотизм волостного и затей начальства... А уж бабы - нет...» [9, с. 367]. Под деспотизмом понимаются распоряжения, указания и т.п.

Советская власть сформировала убеждение о забитости и покорности российского крестьянина, постоянных крестьянских бунтах и войнах. Любая книга, посвященная сельскому хозяйству, начиналась с информации о тяжелой участи крестьян и их подавлении помещиками-эксплуататорами. Таким образом, доказывалась необходимость прихода к власти большевиков. Смена власти обусловила социально-экономические, политические, социокультурные преобразования в стране на основе теории Маркса. Эти преобразования коснулись и села: отмена частной собственности, товарно-денежных отношений, диктатура пролетариата, классовая борьба и т.д.

Как приняли советскую власть крестьяне видно из донесений ОГПУ. Агенты доносили в 1925 г. высказывания крестьян на собраниях и личных беседах: «Вы, товарищи «благодетели» не благодетели, а кровопийцы, мошенники, негодяи, буржуи и первейшие подлецы, поклонники Ленина и жидов порхатых» [6, л. 48]. И уже тогда крестьяне полагали, что эта власть скоро падёт: «К осени Советской власти не будет т.к. мы выроем столбы и будем вешать тех, кто стоит у власти» [6, л. 46]. Судя по сводкам и личным письмам, люди были настроены решительно. Но соотношение сил: винтовки

против вил и кольев было неравным. Из частного письма крестьянина видно, что после восстания крестьян против власти в село пригнали войско, начались жесткие репрессии, отобрали урожай [2, с. 3].

Итак, в 20-е гг. крестьяне не считали советскую власть своей, пытались сопротивляться. Гражданская война, думается, является показателем отсутствия толерантного отношения крестьян к власти. Возможно, коллективное хозяйствование было крестьянской мечтой, и являлась социокультурной основой толерантного отношения крестьянского социума к власти? Как отнеслись крестьяне к коллективизации показал опрос бывших колхозников СССР 1904-1930 г.р. [3]. Все респонденты отметили насилие, диктатуру, грабёж как основу коллективизации. Очевидцы коллективизации рассказывали: «Для меня коллективизация вспоминается всеобщим хаосом и беспределом... массовый грабеж» [3, с. 284]. «Коллективизация в нашей семье связывается с каторгой, бесправием, подневольным трудом. ... От родителей я часто слышал проклятия властям за коллективизацию!» [3, с. 55]. «Но в колхозы вступали. Не хотели идти, а шли. ... Но их заставили наганом. Наган был в ходу! Не раз перед крестьянами махали пистолетом» [3, с. 176].

Коллективизация и раскулачивание для респондентов – это одна политика власти: «Коллективизация в нашей семье связывается с раскулачиванием, то есть репрессиями против крестьян» [3, с. 319]. Люди отмечали: «Отряд по раскулачиванию обычно состоял из 10-15 человек. У них имелось 3-5 винтовок, наган, подводки.... Во время раскулачивания была одна правда. Правда была человека с оружием!» [3, с. 285-286]. «... «врагами народа» называли, ссылали, а, бывало, и расстреливали. Это чтобы другим неповадно было колхозам сопротивляться» [3, с. 32]. Солидарные рассказы очевидцев свидетельствуют, что крестьяне социокультурно не принимали политику советской власти в деревне. Публицист Струве П.Б. отмечал, что крестьяне никогда не примут коммунизма, потому что он для них «насильственное, враждебное, отвратительное начало, ими отвергаемое и из своей жизни извергаемое» [8, с. 162].

Результатом такого неприятия можно было бы ожидать сопротивление крестьянских масс. Возможно, толерантность нашего народа была ключевым социокультурным фактором принятия мероприятий советской власти в деревне? Сами респонденты признавали, что сопротивление властям было, но силы были не равны. В их рассказах видна динамика сопротивления от отчаянного сопротивления, до «никто не сопротивлялся». Сами респонденты объясняют это насилием, диктатурой, репрессиями, страхом. Обреченность проглядывается в рассказах людей, переживших коллективизацию. Главной причиной смирения они считают страх. «Со стороны крестьян были самые жесткие формы протеста... Со своей стороны, власти присылали карательные отряды, расстреливали кулаков и подкулачников» [3, с. 182]. «Раскулачиванием занимались районная комиссия, НКВД, деревенское начальство. При раскулачивании люди сопротивлялись, впадали в отчаяние, боролись. Но что они могли сделать!?» [3, с. 295] «При раскулачивании люди испытывали чувство обреченности, озлобленности из-за того, что ничего не могли предпринять. Боялись всего и всех. Страх – главная деталь того времени» [3, с. 295]. «На сходках крестьяне ругались с властью, но скоро это прекратилось. Того, кто выступал против коллективизации, забирали и отправляли в неизвестном направлении. ... Пришлось смириться. А куда денешься? Боялись и за себя, и за семью свою. ...Крестьяне действительно сначала пытались протестовать против раскулачивания» [3, с. 172]. «Крестьяне сначала бунтовали, а потом смирились» [3, с. 179]. «Все, кто сопротивлялся отрядчикам, были убиты или жестоко избиты... сопротивление было только в самом начале коллективизации. Очень скоро все поняли, что лучше отдать всё, но сохранить свою жизнь... Страх сковал людей. Люди стали меньше говорить. Стали бояться за каждое сказанное слово. Страх – очень сильное чувство! Страх – это ощущение того, что ты можешь навсегда потерять своих близких. Страх был нам привит новой властью и жестким контролем каждого жителя деревни друг за другом. Страх – это неясность завтрашнего дня, боязнь, что ты всё время делаешь что-то не то и тебя за это накажут [3, с. 289].

Считая советскую власть чуждой крестьянству, и не рассчитывая на свои силы, часть крестьян надеялась на внешнюю силу. Тихая злоба и настроение реванша в словах крестьян сохранившихся в довоенных и военных донесениях агентов ОГПУ: «В случае войны всех коммунистов надо бить и резать» [6, л. 5]. «... защищать советскую власть. Спрашивается, за что ее защищать? За то, что она держала нас в кабале и за то, чтобы после войны продолжать такую же мучительную жизнь». «Хорошо, что началась война. Помолчим до поры до времени, наши слезы отольются большевикам» [7, с. 141].

Крестьяне не принимали коллективизацию с её сверхэксплуатацией, оплатой по трудодням, обобществлением хозяйства, насилием и жестокостью, ставкой на бедняков, которых традиционно в крестьянском сообществе почитали за пьяниц, лентяев, называли «голытьбой» за малым исключением (семья без кормильца, инвалидность и т.п.). Всё это противоречило социокультурным традициям российского крестьянина.

Таким образом, принятие крестьянами советской власти связано, прежде всего, с насилием власти над обществом. Попытки крестьян противостоять действию властей жестко карались. Многовековая толерантность российского крестьянства культурологически объясняется невмешательством властей в социокультурную жизнь общества. Неприятие крестьянами советской власти обуславливается сменой социально-политической, экономической жизни деревенского социума. Основа толерантности была ликвидирована: социально-политическая, культурная самодостаточность общества. Через насилие и диктатуру власть заставляла крестьян отказаться от своих интересов, убеждений, навязывала чуждые социокультурные ценности, образ жизни, мировоззренческие установки.

Литература

1. Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990.
2. Крестьянское слово. Орган Крестьянского объединения в Париже. – Париж. Май 1930. Периодическое издание № 1.

3. Лопатин Л.Н., Лопатина Н.Л. Коллективизация и раскулачивание. (Очевидцы и документы свидетельствуют). Кемерово, 2009.
4. Максимов С.В. Куль хлеба. Л., 1987.
5. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993.
6. РГАСПИ Ф. 17. Оп. 87. Д. 96.
7. Спецпереселенцы в Западной Сибири 1939-1945. Отв. редакторы Данилов В.П., Красильников С.А. – Новосибирск, 1996.
8. Струве П.Б. Дневник политика (1925-1935). М., 2004.
9. Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем 1872-1887. М., 1987.

References

1. Berdyaev N.A. Fate Of Russia. M., 1990.
2. Peasant Word. Body of the Peasant Association in Paris. - Paris. May 1930 Periodical publication No. 1.
3. Lopatin L.N., Lopatina N.L. Collectivization and the dispossession of kulaks (Eyewitnesses and documents show). - Kemerovo, 2009
4. Maksimov S. V. Bag of bread. - L., 1987.
5. Pipes R. Russia under the old regime. -M., 1993.
6. RSASOH. F.17. Inv.87. C. 96.
7. Displaced persons in Western Siberia 1939-1945. Responsible editors^ Danilov V.P., Krasilnikov, S.A. -Novosibirsk, 1996.
8. Struve P.B. Journal of politics (1925-1935), M.- Paris, 2004.
9. Engelgardt A. N. From the village. 12 letters. 1872-1887. M., 1987.

Lopatina N. L. PhD in cultural studies, associate Professor,
Kemerovo State Medical University

**THE TOLERANCE OF THE SOVIET PEASANTS IN THE FIRST HALF OF
THE 20th CENTURY AS A SOCIOCULTURAL PHENOMENON**

Abstract The author considers the tolerance as a social and cultural phenomenon, which is caused by economic, political, cultural traditions and social self-sufficiency. The conclusion, that the Soviet Government has violated the basic cultural foundation of tolerance is based on the statements of peasant. The activities of Soviet Government transformed the socio-cultural traditions of the villages, and called the peasants' rejection of the new authority. The author underlines that the loyalty of peasants to the authority was not caused by people tolerance and repressive policy and tough suppression of any kind of dissatisfaction and resistance.

Keywords: tolerance, tradition, authority, peasants, fear.

<https://istor-issled-lopatin.ru/>